

УДК 94 (575)

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
НАКАНУНЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(исторический аспект)**

Джунушалиева Г.Д., Баратов С.

Кыргызско-Российский (славянский) университет, КРСУ, г. Бишкек

Для современной исторической науки большую значимость представляет выявление основ развития социально-правовой системы кочевых обществ Средней Азии, вступивших на путь политической и экономической модернизации. Роль и влияние сохранившихся традиционных правовых взглядов на изменение правовых отношений и административное управление регионом существенны. Попытки возрождения, возврат к традиционному ведению хозяйства не всегда оправданы, поскольку изменились социально-экономические и геополитические условия современности. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо по-новому взглянуть на обычное право (адат) кочевых народов перед их входением в состав Российской империи. Данная тема уже подымалась ранее в работах по отдельным аспектам традиционного права казахов [1], кыргызов [2,с.3], туркмен [4]. В настоящее время народы, недавно перешедшие от кочевого образа жизни к оседлому, в процессе восстановления своей социокультурной идентичности пытаются исследовать общие парадигмы вопросов выявления типологии права, соотношение власти и права в кочевом обществе, «взаимовлияние и взаимозависимость права кочевых народов» [1].

Кочевой образ жизни и тип хозяйственной деятельности обусловил историческую схожесть и общность правовых систем казахов, кыргызов и туркмен. Преемственность и воспроизводство правовых отношений кочевников происходило на общих религиозно-этических основаниях – исламе. Последнее было не менее мощным фактором этнической идентичности среднеазиатских обществ. Так, генерал Н.П. Игнатъев описывал кочевников Средней Азии: «Кочующие Туркмены и Киргизы имеют много скота, как-то: верблюдов, лошадей, коров, овец и проч., который прокармливается подножным кормом в степях и камышах; впрочем, и у кочевников этих рабочий скот кормится дома. Кочевники эти возят на верблюдах своих тяжести всюду, даже в Россию, и они охотно это делают, в особенности когда провозные цены возвышаются; они отдают верблюдов своих на тех же условиях, на каких возят тяжести наши Киргизы» [5].

Письменные источники исследуемого периода, которые могут раскрыть практику законодательной деятельности кочевников региона, представлены историческим свидетельством российских чиновников, офицеров и путешественников. Аналитический материал данных документов настолько неисчерпаем, актуален по сегодняшнего дня. Он прослеживает тот эволюционный прыжок норм обычного права, выявляет общие закономерности регулирования правовых отношений и этнические особенности, свойственные обычному праву.

К особенностям адата относят такие черты, как институт биев (судей), систему штрафов айып/кун, предусматривавшая дифференцированный подход к определению вида наказания, сохранение барымты (угон скота), при уgone скота ответчик сам приводил в действие решение суда. Право кочевников носило прецедентный характер. Прецедентом служили удачные решения биев. Процедуры обычного права включали в себя определенную шкалу штрафов и выносились компромиссно-согласительные решения. Штрафы в качестве возмещения материального ущерба способствовали быстрому разрешению дел. Посредниками между истцом и ответчиком были бии, ханы, которые и брали на себя ответственность по урегулированию спорного дела. Например, правовая культура кыргызов своеобразно понимала само право. Оно принималось в качестве совокупности нравственных, правовых, религиозных и этических норм, понятий, правил и процедур, отшлифованных в течение длительного времени. Кочевое право стало отражением демократических ценностей того времени, у историков называемом правом «военной демократии».

На основании положений Корана законы предусматривали возможность замены воздаяния (равным за равное) на выкуп – это нововведение, появившееся с распространением

ислама стало существенным шагом вперед в развитии права в регионе от древних обычаев, бытовавших в XV-XVI веках. А. Левшин писал в свое время: «Безначалие, грабежи, убийства киргизов, конечно, происходят от невежества, грубости, корыстолюбия, хищничества и мстительности их, но пороки сии существуют, распространяются и наносят им разные бедствия только потому, что нет силы для удержания оных, нет власти, которая бы укрощала и пеклась об общем благе. А без законов, без порядка и подчиненности какой народ когда-либо наслаждался благоденствием?» [6, с.373].

Исследователь Г. Айдарбекова, критично осмыслив написанное А. Левшиным, считает, что «взгляды А.И. Левшина отражают классические понятия европейской истории, традиции европейской культуры, сословные, религиозные, культурные предрассудки российского общества первой трети XIX века, основанные на превосходстве европейской культуры над азиатской» [7, с.28].

Поскольку у среднеазиатских кочевников не было традиции письменной фиксации, то роль устной передачи информации была велика и отвечала за воспроизводство социальных практик до самого начала XX века. Изучая данные русских письменных источников, необходимо критично их анализировать. Связано это с тем, что офицеры и путешественники Российской империи не были хорошо знакомы с особенностями быта и традиций кочевников. К тому же у них стояли вполне конкретные задачи, решением которых и были заняты – целенаправленный сбор фактического материала, в том числе юридического, для последующей адаптации социальной системы к общеимперским законам.

Несмотря на то, что правовая система кочевников еще не выделяла в отдельное направление уголовное право, все же они оперировали понятиями: тяжкого и легкого преступления, «рецидив, степень соучастия, объективную сторону преступления» [1]. Наказание предполагало имущественный штраф и к субъектам преступления относили лиц, свободно распоряжавшихся своим имуществом. Учитывая определенное отставание в социополитическом развитии, штраф для выплаты наказания перераспределялся между всеми членами рода.

Кочевой образ жизни не предполагал уголовного преследования, также и лишение свободы и тюрем (зинданов), других членовредительских наказаний, которые бы унижали кочевников. Все правонарушения вели к имущественной ответственности. Смертная казнь применялась крайне редко и решение выносилось все сообществом на собрании – курултае. Кочевое право киргизов не существовало в форме формальных норм, оно присутствовало сразу во всех социальных, политических, экономических, семейных институтах и процессах. Право предназначалось для регулирования социальной жизни людей, которые разбросаны географически на обширной территории и было инструментом примирения людей в форс-мажорных ситуациях: «кочевое общество, имея свою специфику, развивается по общему принципу, хотя его государственное образование идет по особому пути ... отношение к собственности определяет характер классового общества (власть, эксплуатация, классовый антагонизм и т.д.). В этом отношении благодаря предельному отношению к собственности, кочевое общество приобрело более мягкую форму классового общества, следовательно, и более свободный, вольный образа жизни» [8, с.18].

Ислам совершенно изменил жизнь кочевых народов региона. В Средней Азии утвердился ханафитский мазхаб – более терпимый к народным обычаям. Главное условие, чтобы традиции не противоречили исламу. Местные условия обязательно отражались в судопроизводстве, что и стало одной из главных отличительных черт правовой системы ханафитского мазхаба. Влияние суфизма, который особенно почитаем в регионе, привело к тому, что доисламские этнические традиции, обычаи и верования (адат) ассоциируются с исламом, а адат существенно повлиял на локальную интерпретацию шариата. Более того, практики лечения заболеваний народными целителями в основе своей построенные на действиях шаманского происхождения оформляются в исламскую форму (чтение сур и аятов).

В гендерном отношении правовая система кочевых народов существенно отличалась от системы оседлых народов. В обычном праве кочевников содержались положения, регулирующие социальный статус мужчин и женщин, брачные и семейные отношения, отношения собственности. В основе своей отдельные нормы адата мало чем отличались от положений фикха. Однако были некоторые обычаи, которые не совпадали с исламскими принципами. Кочевники применяли адат, и это было оправдано самим образом жизни, сложностью осуществления контроля за выполнением религиозных обязанностей.

Статус женщины у кочевников отвечал общим чертам традиционализма. Способность женщины к деторождению считалась священной. Дети проявляли уважение к отцам и матерям. У кочевников женщина была земным воплощением Умай-эне, языческой богини деторождения и плодородия, супруги Тенгри (Неба). Как правило, социальный статус мужчины не оспаривался и всегда был выше статуса женщины. При условии, если только женщина не была знатнее по происхождению и ее род/клан не был весомее по авторитету, чем ее супруг. В исламской традиции мужчина и женщина равны перед Аллахом и в благочестии, и наказании за проступки, и в получении божественной милости.

Правоспособность и дееспособность в нормах адата принадлежит главе семьи, рода, племени. Мужчина является субъектом права, в то время как женщина – объект права и часть имущества. Для кочевников было нормой проживать большими патриархальными семьями. Иными словами, главы семьи объединял несколько поколений кровных родственников с происхождением от общего предка. В шариате женщина выступает как субъект права со всеми чертами правоспособности и дееспособности.

Сильных различий в условиях заключения брака между адатом и шариатом не существовало. Брачный возраст начинался для девочки с 13-14 лет, для юношей – с 16-18. Решение о женитьбе принималось родителями, сыновья и невесты в праве выбора были ограничены. Главное условие, которое могло нарушаться в некоторых случаях, вступающие в брак должны были быть социально равны друг другу по имущественному состоянию, происхождению и званию, а такие параметры, как возраст и состояние здоровья значения не имели. Заключение брака сопровождалось уплатой калыма (скот, серебро, золото и деньги, для особо зажиточных – рабы). Размер калыма варьировался в зависимости от социального положения и состоятельности жениха, невесты и их родителей. В особых случаях от достоинств невесты. Калым поступал непосредственно в распоряжение отца невесты и после его смерти переходил к наследникам вместе с имуществом. У невесты не было прав даже на малую часть калыма.

Совместное проживание и ведение хозяйства от женщины не требовалось согласия в решении дел семьи и хозяйства. Но в кочевых условиях роль женщины возрастает и зачастую она могла фактически управлять семьей. По шариату женщина имела право на работу и предпринимательство, на личную собственность. Ее супруг не имел права распоряжаться ее личным доходом.

Девочки в зажиточных семьях могли воспитываться наравне с мальчиками. Их обучали верховой езде, воинскому искусству, иногда музыке и грамоте. Однако после смерти отца дочери расценивались как часть имущества, которое переходит к братьям. Разводы в кочевой среде были достаточно редким явлением, принцип нерасторжимости брака соблюдался, но в исключительных случаях был возможен (бездетность, длительная разлука, частые побои, нарушение супружеской верности и др.). Примером может служить Курманджан-датка. Она отказалась ехать в дом мужа, который был намного старше ее. Аламбек развел их, вернув несостоявшемуся мужу компенсацию и женился сам на ней. Развод по инициативе мужчины лишал женщину прав как на привнесенное ею в дом имущество, так и прав на детей. В случаях, когда женщина желала развода, она должна была вернуть калым. К биям женщины обращались редко, поскольку на практике бии принимали сторону мужчины.

Ситуации вдовства регулировались такими социальными институтами, как левират и сорорат. Поскольку семья и родственная группа мужа имела абсолютное право на женщину, то левират был нормой. Вдове предлагался муж из числа родственников умершего. Сорорат, как утверждает некоторыми историками, практиковался у бедняков в связи с затруднениями с калымом. В жены взамен умершей предлагалась ближайшая родственница. Левират и сорорат был распространен во всей Средней Азии. В исламской традиции женщина после развода и смерти мужа после истечения определенного срока могла выйти замуж по своему желанию. Семья мужа не имела на нее право.

В обычном праве женщина не имела прав на наследование после смерти родителей. Смерть супруга давала вдове некоторые права на управление хозяйством. Юридически имущественные права закреплялись за женщиной только в том случае, если она оставалась вдовой и не выходила замуж. В этом случае она становилась опекуном своих детей и временным распорядителем их имущества. По шариату женщине в качестве матери, дочери и сестры доставалось имущество: если у него не было потомства – четвертая часть имущества, если оно было – восьмая часть имущества мужа.

Социальный статус женщин в течение всей ее жизни менялся. И связано это было с определенными факторами. Кочевники в добрачный период особо не ограничивали личную свободу девушки в кругу семьи, в общении со сверстниками обоего пола. С момента замужества свобода резко ограничивалась. Только после рождения первого ребенка у женщины появлялся некоторый социальный вес, правовой статус повышался в семье мужа. Доказательство способности выполнять функции жены и матери способствовали этому. Возраст и жизненный опыт также могли принести определенные дивиденды женщине.

Гендерные различия существовали и в деле свидетельства в суде. Согласно адату, женщина у кочевников не могла быть свидетельницей на суде. Однако Женщина по шариату имела такое право. В области штрафов, которые заменяли кровную месть, жизнь женщины оценивалась только в половину от стоимости жизни мужчины. В то время как убийство или причинение вреда женщине по шариату полагалось наказание, равное за причинение вреда мужчине. Мужчина и женщина как равные создания Аллаха по шариату ценились равнозначной степени. Плата за пролитую кровь, наказание по закону на основании прецедента определялось казием (судья оседлых народов). Шариатом ограничивалась месть.

В целом, необходимо отметить, что в ЦА обычаи, расхивившиеся с предписаниями шариата, были предметом жесткой критики мусульманских правоведов; изживание бытового адата шло крайне медленно, поскольку процесс исламизации растянулся в Средней Азии на сотни лет.

Таким образом, схожесть хозяйственно-культурного типа правовых отношений кочевых народов Средней Азии обусловила весьма близкие категории права – адата, которые касались как правовых институтов семьи и брака, наследственного права, института власти, принципа коллективной ответственности, так и видов наказания/штрафов, системы судоустройства и судопроизводства. Локальные отличия, которые существовали у кыргызов, казахов и туркмен объясняются факторами не только внешнего воздействия (влияние оседлых народов с давними исторически обусловленными взаимоотношениями и взаимовлияниями), геополитическим расположением, влиянием религии, но и наличием доисламских традиций, которые устойчиво адаптировались к исламской вере. Можно твердо утверждать, право кочевых народов Средней Азии XVI-XIX веков стало не простым копированием или подражанием шариатским законам. Это результат правового творчества и нормативной деятельности кочевников, которые развивались на течение длительного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даутов Т.Г. Эволюция и развитие обычного права казахов // Параграф [электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31664886#pos=1;-173
2. Салиев А.Л. Очерки истории судебной политики царизма в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев / Отв. ред. П. П. Литвинов. – Бишкек, 2014. – 432 с.
3. Слесарев С.М. Особенности государственной политики по отношению к традиционному судопроизводству по нормам обычного права в Кыргызстане во второй половине XIX в. – нач. 30-х гг. XX в. (исторический аспект) / С.М. Слесарев. – Бишкек, 2014. – 288 с.
4. Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства // Сб. материалов Международной научной конференции. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 198 с.
5. Рукопись генерала Ипатьева / Turkmenistan.ru. Интернет-газета. 16 апреля 2002 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.turkmenistan.ru/?page_id=9&lang_id=ru&elem_id=1202&type=event&sort=date_desc
6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей / А.И. Левшин. - Алматы: Санат, 1996. -656 с.
7. Айдарбекова Г.Б. Правовая культура кыргызского кочевого общества: аксиологический аспект. -С. 28-31 [электронный ресурс]. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/AJDARBEKOVA%20G.B..pdf>
8. Жамбалдорж Ж. Монгольское кочевничество: сущность, особенности: автореф. диссер. канд. наук 09.00.11 / Ж. Жамбалдорж. - Улан-Уде, 2013. -26 с.

МУНОСИБАТҲОИ ИЧТИМОИВУ ҲУҚУҚИИ ХАЛҚИЯТҲОИ КЎЧМАНЧИИ ОСИЁИ МАРКАЗИ ДАР АРАФАИ ҲАМРОҶШАВӢ БА ИМПЕРИЯИ РУСИЯ (ҶАНБАИ ТАЪРИХӢ)

Дараҷаи амикгардии решаи доғмаҳо ва анъанаҳои ислом дар ҳаёти ҳамарӯза ва муносибатҳои ҳуқуқии халқҳои Осиеи Марказӣ то ҳамроҳ шудан ба ҳаёти империяи Рус гуногун буд. Меъёрҳои мусулмонӣ дар байни аҳолии муқимӣ пурра амал мекарданд. Ин гуногуншаклӣ дар оянда мазмуни сиёсати давлати Русияро дар масъалаҳои танзими ҳуқуқӣ дар минтақаҳои Осиеи Марказӣ шапартнок намуд. Сарчашмаҳои хаттии давраи таҳқиқшаванда таҷрибаи фаъолияти қонунгузори кўчницинони минтақаро нишон медиҳанд. Мувофиқи онҳо, ҷаҳиши эволюсионии меъёрҳои ҳуқуқи урфӣ (адолат), институтҳои он (bii), ҷаримаҳо (ауур / кун) ва ғайраро пайгирӣ намудан мумкин аст. Тарзи ҳаёти кўчманчигӣ таъкиботи ҷиноятӣ, ҳаёти ва ё зиндонҳоро ба пуррагӣ амалӣ қарда наметавонист, ҷуноне ки дар аҳолии масқунӣ ин ҷизҳо қорӣ шуда буд. Аз ин рӯ, ҳама қонуншиканӣ ба ҷавобгарии амволӣ меоварданд. Ҳукми қатл хеле кам истифода мешуд, танзимгарони ҳуқуқӣ дар ҳама институтҳо ва равандҳои иҷтимоӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ, оилавӣ

ва дигархо таъсис дода шуда буданд. Дар асл, онҳо ҳаёти иҷтимоии одамонро дар қаламрави васеи ҷуғрофӣ ба танзим мебароварданд ва ҳамчун воситаи мусолиҳа дар ҳолатҳои низоъ хизмат мекарданд.

Калидвожаҳо: системаи танзими ҳуқуқӣ, адолат, шариат, низоми иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ, муносибатҳои ҳуқуқӣ, ҷомеаи ниёгон, бий, барма.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ НАКАНУНЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (исторический аспект)

Степень укоренения догматов и традиций ислама в повседневной жизни и правовых отношениях народов Средней Азии перед вхождением в состав Российской империи была различной. Кочевые сообщества в своем религиозном самосознании сохранили существенный компонент языческих представлений. Мусульманские нормы полноценно действовали у оседлого населения. Данное своеобразие обусловило в будущем содержание политики Российского государства в вопросах правового регулирования в среднеазиатских окраинах. Письменные источники исследуемого периода раскрывают практику законодательной деятельности кочевников региона. По ним можно проследить эволюционный скачок норм обычного права (адата), его институтов (бии), штрафов (айып/кун) и прочее. Кочевой образ жизни не мог полноценно осуществлять уголовное преследование или лишение свободы и тюремное заключение как это было у оседлых народов. Поэтому все правонарушения вели к имущественной ответственности. Смертная казнь применялась крайне редко, правовые регуляторы были встроены во все социальные, политические, экономические, семейные и иные институты и процессы. Фактически они регулировали социальную жизнь людей, расселенных на обширной географической территории, и служили инструментом примирения в конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: система правового регулирования, адат, шариат, социально-правовая система, правовые отношения, кочевое общество, бий, барымта.

SOCIAL AND LEGAL RELATIONS OF NOMADIC PEOPLES OF MIDDLE ASIA ON THE EVE OF ASSIGNMENT IN THE COMPOSITION OF THE RUSSIAN EMPIRE (historical aspect)

The level of rooting of the dogmas and traditions of Islam in everyday life and the legal relations of the peoples of Central Asia before entering the Russian Empire was different. Nomadic communities in their religious identity retained an essential component of pagan beliefs. Muslim norms fully acted among the settled population. This uniqueness determined in the future the content of the policy of the Russian state in matters of legal regulation in the Central Asian outskirts. Written sources of the study period reveal the practice of legislative activity of the region's nomads. According to them, one can trace the evolutionary leap of customary law (adat), its institutions (bii), fines (ayyp / kun) and so on. The nomadic way of life could not fully carry out criminal prosecution or imprisonment and prisons as was the case with the settled peoples. Therefore, all offenses led to property liability. The death penalty was used extremely rarely, legal regulators were built into all social, political, economic, family and other institutions and processes. In fact, they regulated the social life of people settled in a vast geographical territory and served as an instrument of reconciliation in conflict situations.

Key words: System of legal regulation, adat, sharia, social and legal system, legal relations, nomadic society, biys, barymta.

Сведения об авторах: *Джунушалиева Гульмира Дженишевна* – Кыргызско-Российский Славянский университет, доктор исторических наук, профессор. **Адрес:** 720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, проспект Чуй, 44. E-mail: dzun_gulmera@mail.ru

Баратов Сердар – аспирант кафедры «История и культурология» Кыргызско-Российского Славянского университета. **Адрес:** 720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, проспект Чуй, 44. E-mail: turkmenabart@bk.ru

Information about the authors: *Dzhunushalieva Gulmira Dzenishevna* - Kyrgyz-Russian Slavic University, Doctor of Historical Sciences, Professor. **Address:** 720000, 44, Chui Avenue, Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: dzun_gulmera@mail.ru

Baratov Serdar - is a graduate student of the Department of History and Cultural Studies of the Kyrgyz-Russian Slavic University. **Address:** 720000, 44, Chui Avenue, Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: turkmenabart@bk.ru

УДК 72.036 (575.3)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРНОГО БАДАХШАНА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Мукимов Р.С., Каримов Махмадрахим

Таджикский технический университет им. М.С.Осими,

Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ

Под историко-культурным ландшафтом отдельного региона Республики Таджикистан – Горно-Бадахшанской автономной области - мы подразумеваем единое этнокультурное поле, включающее в себя совокупность исторически существовавших элементов как материального, так нематериального культурного наследия, принадлежащего таджикам, предкам древних арийцев, оставивших заметный след в культуре всей Центральной Азии. Действительно, культура Горного Бадахшана, складывалась на протяжении многих тысячелетий в довольно специфичной среде обитания – высочайшие горные вершины, межгорные изолированные долины, высокогорные озера и стремительные горные реки ГБАО являлись основной средой